

15. Записано Момот Т. від Шуляка Сигізмунда Войтковича, 1915 р. н., с. Мурафа, Шаргородського р-ну, Вінницької обл., 2009 р.

Жмуд Н.В. ДИАЛОГИ «СВОЕГО-ЧУЖОГО» В СОВРЕМЕННОЙ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНЦЕВ ВОСТОЧНОГО ПОДОЛЬЯ (ЗА ПОЛЕВЫМИ СТУДИЯМИ)

В статье на основании полевых этнографических материалов исследуются плоскости диалогов «своего-чужого» в календарной обрядности украинцев Восточного Подолья и выясняется характер их коммуникаций.

Ключевые слова: «свой», «чужой», календарная обрядность, полевые этнографические материалы, украинцы, Восточное Подолье.

Zhmud N.V. DIALOGUES «ONE'S OWN – THE OTHER'S» IN THE MODERN CALENDAR RITES OF THE UKRAINIANS OF EASTERN PODILLIA (BASED ON THE FIELD RESEARCH)

The research is based on the field ethnographic materials, it focuses on dialogues «one's own – the other's» in the calendar rites of the Ukrainians in Eastern Podillia region and explains the nature of their communication.

Key words: «one's own», «the other», calendar rites, the field ethnographic materials, the Ukrainians, Eastern Podillia.

УДК 930.2(476):316.647.8=162.1

А.М. Кротов

**ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИМАГОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО СТЕРЕОТИПА ПОЛЯКА)**

В статье на примере белорусского стереотипа поляка рассматривается состояние белорусской имагологии. Отмечается, что начало имагологических исследований в Беларуси связано с ростом национального самосознания белорусов и развитием белорусского национального мировосприятия, частью которого является стереотип поляка. Утверждается, что изучение и освоение белорусскими учёными зарубежного опыта имагологических исследований не должно стать механическим перенесением и внедрением элементов чужих стереотипов в белорусскую ментальную среду, в частности – элементов польского автостереотипа и русского стереотипа поляка в белорусский его стереотип.

Ключевые слова: имагология, ментальность, белорусский стереотип поляка, польский автостереотип, русский стереотип поляка, Г.Д. Гачев, В.А. Хорев.

Проблема белорусского стереотипа поляка попала в фокус внимания учёных, представляющих различные отрасли гуманитарного знания только после распада СССР. Однако было очевидно, что такой объект научного интереса, как белорусский стереотип поляка требует к себе серьёзного внимания, ибо фактор его присутствия в обыденной и общественно-политической жизни Беларуси и Польши ощущался постоянно, чего нельзя было не учитывать при анализе состояния белорусско-польских отношений и прогнозировании их развития.

В ходе коренного изменения политической ситуации в Центральной и Восточной Европе, связанного с распадом СССР, появилась необходимость в налаживании новой системы отношений между народами, утратившими прежние, основанные на идеологии связи. В выстраивающихся заново международных отношениях стали неактуальными прежние, искусственно сконструированные позитивные образы «друзей», «братьев», «сестёр» и т. д. Без всяких усилий были реанимированы, как оказалось, прекрасно сохранившиеся на обыденном уровне сознания масс национальные стереотипы, которые стали активно использоваться в пропагандистском обеспечении внутренней и внешней политики независимых государств региона, формируя общественное мнение и являясь тем самым фактором исторического процесса.

Опыт последних двух с половиной десятков лет показал, что ожидания того, что новая система международных и межнациональных отношений будет носить цивилизованный, добрососедский, саморегулируемый характер, себя не оправдали. Выстраиваемая на базе эгоистически понимаемых национальных интересов политика привела не только к возрождению негативных национальных стереотипов, но и к актуализации образов

«исторических врагов», помогая возрождению традиций взаимного недоверия и неприязни в новых исторических условиях и на качественно новом уровне.

В этой связи возникает вопрос о практической целесообразности изучения белорусских стереотипов соседей, в т.ч. и стереотипа поляка. В частности, – зачем фокусировать внимание на этом стереотипе, если изначально понятно, что результат самим полякам вряд ли покажется убедительным и объективным? Да и помогут ли подобного рода «знания» (стереотип знанием не является – это эрзац, строящийся на предубеждении) сегодняшним белорусам выстраивать позитивные отношения с внешним миром и, в частности, – с поляками и Польшей.

Ответ на этот вопрос достаточно прост. Национальный стереотип – это средство позиционирования себя и своей национальной группы. Он основан на противопоставлении себя «другим» («чужим»), а также собственных, позитивно оцениваемых ценностей, традиций, норм, культурных достижений, «их» ценностям, традициям, нормам и культурным достижениям, которые чаще всего оцениваются негативно. Имея, благодаря удобству и лёгкости восприятия, исключительную силу убеждения и инерции стереотип унифицирует представления о «чужой» этнической группе, её культуре, истории. А этноцентризм, на котором он стоит, придаёт ему высокую живучесть [1, с. 10].

Белорусы, которые, как считается, имеют проблемы с национальной самоидентификацией, проще и вернее всего осознают свою уникальность и обособленность от других, сталкиваясь с отчуждённым поведением в отношении себя представителей других народов, имеющих более высокий уровень развития национального самосознания, нежели они сами, прежде всего – народов близкородственных. При неизбежной конфронтации к «чужому» (поляку, русскому) происходило постижение «своего» и осознание собственной принадлежности к белорусской национальной общности.

Белорусский автостереотип (т. е. взгляд на себя или самохарактеристика) развивался через отношение «чужого» к «себе» и «своему». В частности, негативное отношение поляков к белорусам привело к тому, что в их устном народном творчестве, литературе, искусстве формируется и закрепляется негативный стереотип поляка, который передаётся из поколения в поколение, становясь тем самым постоянно действующей нормой.

Содействие поляков развитию национального самосознания белорусов состояло также и в том, что именно представители «кресовой польскости» запустили механизм белорусского национально-культурного возрождения, целью которого было недопущение распространения в Беларуси русификаторских влияний и противопоставления им если уж не польскости, то хотя бы белорусскости. Именно усилиями польских участников белорусского национально-культурного возрождения в польском секторе белорусского национального мировосприятия не смог укорениться враждебный полякам и Польше стереотип. Конечно, белорусский стереотип поляка, как уже было сказано выше, не был позитивным и не мог таковым быть по определению. Но он не содержал элементов ксенофобии, удивительно напоминая польский стереотип мазура, являвшегося основным участником польского колониационного движения на территорию Беларуси и воплощавшего собой в представлении белорусов типичного поляка [2, с. 68-69].

Выяснение и тщательное изучение исторических корней белорусского стереотипа поляка, условий и факторов его формирования, разумеется, в большей степени необходимо самим белорусам – для развития собственного национального самосознания, формирования исторической памяти, правильной ориентации в современном мире. А сам стереотип в этой связи можно назвать одним из инструментов всё ещё идущего процесса «конструирования» белорусской нации. Знание обстоятельств его генезиса имеет также практическую важность, ибо позволит более отчётливо видеть суть проблем, существующих в белорусско-польских отношениях.

Однако и полякам, для которых Беларусь никогда не была чужой страной, это знание поможет понять, что история белорусско-польских межнациональных отношений, в целом позитивных, является хорошим фундаментом для развития партнёрства и добрососедства в наши дни.

Как уже выше отмечалось, в советской науке, в т.ч. и белорусской, интерес к проблематике национальных стереотипов проявился довольно поздно. Ощущалась нерешительность учёных, которые, заинтересовавшись вопросами национального

мировосприятия, оказались бы на передовых позициях идеологической борьбы, и попали бы под жёсткий идеологический пресс.

Между тем, за период с 1922 г., когда классик американской журналистики Уолтер Липпман впервые ввёл термин «стереотип» в общественное сознание, до 1970-х гг. на Западе сложились уже три типа эмпирических исследований социальных стереотипов: историко-культурный, психо-динамический и познавательный [3].

В начале 1970-х гг. проблема этнических стереотипов, как разновидности социальных стереотипов, была поднята и в польской науке. Сначала на неё обратили внимание социологи [4]. Затем, в середине 1980-х гг., когда стали исчезать идеологические препоны, за дело взялись и историки, открыв для себя новое перспективное направление исследований [5].

В начале 1990-х годов в Польше вышло большое количество научных трудов, посвящённых этническим стереотипам и, прежде всего, наиболее актуальным из них – польскому стереотипу русского и русскому стереотипу поляка. Одним из наиболее известных из них стала монография А. Кемпиньского «Lach i moskal. Z dziejów stereotypu» («Лях и москаль. Из истории стереотипа») [6]. Был осуществлён настоящий прорыв в этой области. Главное же внимание обращалось на польский автостереотип и связанную с ним проблему польского национального характера [7], поднятую ещё в XIX в. польским публицистом и естествоиспытателем Ю. Охоровичем [8].

О понимании в Польше важности популяризации проблематики национальных стереотипов свидетельствует также и издание соответствующей учебной литературы. В частности, в 1999 г. на польском языке был переиздан незадолго до того вышедший в США академический учебник «Stereotypy i uprzedzenia» («Стереотипы и предубеждения») [9].

На куда более массового читателя нацелены книги издаваемой в Польше с 1997 г. серии «Przewodnik ksenofoba» («Справочник ксенофоба»), одна из которых посвящена и самим полякам [10]. Фокусируя критический взгляд на отличительных качествах отдельных народов, на связанных с ними предубеждениях и предрассудках, рассказывая о них в немного насмешливой манере, «Справочник» претендует на роль целителя против ксенофобии. Однако нельзя не обратить внимания на то, что ни один из народов, с которыми поляков связывала их историческая судьба – литовцы, белорусы, украинцы – почему-то не попал пока в фокус внимания авторов книг этой серии.

Разрабатывая проблему польского автостереотипа, польские учёные не могли не прийти к необходимости ознакомления со стереотипами Польши и поляка, которые стали частью национальных традиций соседних народов. Характер этих стереотипов был очевидным и, как считалось, мог помешать Польше занять то авторитетное место в регионе, на которое она, учитывая историческую и политическую ситуацию, могла претендовать. Кроме выявления факторов, определивших характер стереотипов, изучались возможности их модификации через ослабление оценивающе-эмоционального компонента и ликвидацию предвзятости [11].

Наработки западных учёных в области изучения национального характера и менталитета, конечно, оказывали стимулирующее влияние на развитие советского общественно-научного знания, но приобретали в нём весьма специфическое отражение. Так, например, советская этнопсихология появилась на свет как наука, призванная бороться с идеологическим врагом путём изобличения его «диверсий». Монография С.И. Королёва «Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов» – красноречивое тому подтверждение [12]. Изучение западными учёными проблем этнопсихологии рассматривалось как разработка оружия для психологической войны, а полученные ими знания – как материал для оправдания враждебного отношения к тому, кто на взгляд общественности Запада являлся «недемократичным и нецивилизованным врагом».

Таким образом, на тему социальных (в т.ч. и национальных) стереотипов советские учёные выходили, лишь рассматривая проблему социального заражения и роли в нём средств массовой информации [13].

Интерес к тематике национальных стереотипов, однако, получил возможность себя реализовать в художественной литературе. Опосредованно через эту литературу он проникает в сферу литературоведения и философии. В этой связи, прежде всего, следует назвать имя Г.Д. Гачева, который первым из советских учёных всерьёз занялся изучением национальных образов и долгое время писал «в стол». Он объяснял: «Писал – но издавать не мог. Ибо сама тема была в многонациональной стране СССР, где идеология казенного интернационализма

.....
прикрывала гладкостью национальные проблемы, – опасна... И вдруг с конца 80-х годов национальный вопрос выступил как первейший для осмысления и действия – и пошел спрос, и стало можно печатать» [14, с. 7].

В своём оригинальном подходе к тому, что называл «мыслеобразами» он исходил из нерушимости во времени основ национального понимания бытия и восприятия реальности. В духовной истории человечества посредством метода дедукции воображения (или «имагинативной дедукции») Г.Д. Гачев находил множество образов и ассоциаций. Метод же свой объяснял следующим образом: «Необходимо выделить в системно-рассудочных рассуждениях интуиции, созерцания и видения, которые проступают в наглядных примерах, сравнениях, иллюстрациях» [15, с. 19].

У Г.Д. Гачева проблема картины мира рассматривается в том числе через призму особенностей восприятия, обусловленного культурной спецификой. Так, в очередном своём труде серии «Национальные образы мира», над которой он работал 40 лет, Гачев писал: «Зарываюсь на некоторое время в данную страну, читаю книги про её природу, историю, быт, нравы, изучаю культуру: литературу, искусство, религию, философию, науку... – словом, с разных сторон заезжаю в её пространство-время, в толщу её бытия, пишу по ходу проникновения свои наблюдения, соображения, сравниваю с аналогичными явлениями в других странах, и в итоге получается у меня некий портрет этого национального мира...» [14, с. 7]. С высоты своего богатейшего опыта работы над проблемами национального менталитета Г.Д. Гачев заявляет: «Природа данной страны, язык, обычаи, психика, «ментальность» народа и человека ... – основа самости каждой страны, её самобытности, ради чего и ломаются копья в борьбе за национальную независимость и государственность. И с этой устойчивостью надо считаться и в политической практике... Так что неторопливое, вдумчивое вникание в константы каждого национального мира, в присущие ему особенности... может пригодиться» [14, с. 7]. Пожалуй, лучшего объяснения необходимости изучения национальных стереотипов найти невозможно.

В скором времени обнаружилось, однако, что идеалистические, пасторальные размышления Г.Д. Гачева над национальными картинами мира не соответствуют духу времени – прорвались долго сдерживаемые национальные страсти, интерес к данной тематике стал прагматически-политическим, приобрёл вид «национального вопроса», требующего безотлагательного решения! И, вводя это, учёный писал: «Некогда разбираться. Торопятся действовать – без понятия. В ход пошли короткодыханные статейки, эссе, лидеры жаждут шпаргалок – подсказки!.. И такая путаница в умах и акциях...» [14, с. 7].

Путаница продолжалась недолго – с конца 1990-х годов российские учёные стали работать в общем русле происходивших в стране тенденций. Россия вступала в новую эпоху, где «классика жанра» Г.Д. Гачева (его «мыслеобразы») оказалась не очень востребованной. Настало время жёсткого разговора о том, что, кто и почему мешает России быть тем, чем она желает быть. Стали необходимы пассионарные стереотипы, которые можно было бы использовать в идеологической и пропагандистской работе. Разумеется, эти стереотипы должны были иметь генетическую связь с русским менталитетом и русские исторические корни.

Актуализировавшийся в России интерес к национальным стереотипам вскоре оформился в новое направление в литературоведении, названное имагологией (от лат. *imago* – образ). Его возникновение и развитие связано с именем известного исследователя польской литературы В.А. Хорева, который в свете разработанных им теоретических положений этой новой науки [16, с. 99-100] анализировал сложный процесс взаимоотношений русских и поляков. Он же дал этой науке следующее определение: «Имагология ставит своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предрассудков, существующих в общественном сознании, их происхождение и развитие, их общественную роль и эстетическую функцию... Она изучает образ другого народа» [1, с. 7].

Имагология требует от исследователя не только знаний особенностей жизни, истории и культуры других народов, но и чувства меры, такта и уважения к ним, тем более что в имагологическом подходе зачастую приходится обращаться не только к тому, что богато эмоционально окрашено, но и намеренно или ненамеренно деформировано [16, с. 101].

Спору нет – история русско-польских взаимоотношений полна драматических событий, следствием своим имевших формирование негативных стереотипов, поддерживаемых не только исторической памятью обоих народов, но и национальными идеологиями [16, с. 102]. В то же время в русском и польском обществах существовала тенденция к преодолению негативного взаимного восприятия. Этой цели призван был служить проект «Россия – Польша. Взаимное видение в литературе и культуре», возглавлявшийся В.А. Хоревым. Под его руководством был проведён ряд международных научных конференций, по материалам которых изданы публикации, вызвавшие живой интерес в научном мире [17].

Хотя трудовая деятельность В.А. Хорева была связана с Институтом славяноведения Российской АН, в котором он проработал до последнего дня своей жизни (25.05.2012 г.), основатель имагологии сыграл значимую роль в становлении и развитии полонистики в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, где сложился первый в Беларуси полонистический центр [18]. В 2012 г., в канун своей смерти, В.А. Хорев стал почётным профессором этого университета. В Гродно закончился и его жизненный путь [18, с. 160].

Парадоксально, но в имагологических исследованиях российских учёных тема белорусского взгляда на интересующую их проблему стереотипа поляка не затрагивается, точно так же, как в трудах польских учёных, посвящённых польскому стереотипу русского, не всплывает тема белорусского стереотипа русского. И те, и другие игнорируют факт существования оригинального белорусского видения поляка и русского, что, по меньшей мере, вызывает недоумение.

Зато и русские, и поляки охотно обращаются к белорусской аудитории, рассказывая о своей неприязни друг к другу, объясняя её исторические, политические и иные причины. Этот взгляд со стороны, взгляд «чужого» на «чужое», как показывает история, может иметь искажающее воздействие на ход научного изучения белорусского стереотипа поляка и даже на сам стереотип. Иначе говоря, пытаюсь влиять на характер научного интереса белорусских учёных к национальному стереотипу поляка и как-то воздействовать на генезис этого стереотипа, давно уже являющегося данностью и фактором исторического процесса, стараясь привить ему новые символические значения, российские и польские образотворцы исходят из собственных идеологических и политических интересов.

Потому для белорусской науки большую актуальность приобретает не только вопрос изучения белорусских национальных стереотипов, родившихся и выросших в рамках белорусской культуры, вобравших в себя её традиции, ценности и приоритеты, но и вопрос о создании защитной среды для дальнейшего развития этих стереотипов, недопущения влияний, могущих воздействовать на этот процесс, искажая, в конечном счёте, создаваемую национальную картину мира. Представляется, что являющийся частью этой картины белорусский стереотип поляка, который был и остаётся объектом негативных стереотипотворческих влияний, нуждается в этом прежде всего.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2005. – 231 с.
2. Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków / A. Krotau // Przegląd Wschodni. – Т. VIII. – Zeszyt 1 (29). – S. 57-74.
3. Kurcz, I. Stereotypy, prototypy i procesy kategoryzacji / I. Kurcz // Praca zbiorowa. Stereotypy i uprzedzenia. – Warszawa: Wyd-wo Inst. Psychologii Polskiej AN, 1992. – S. 29-44.
4. Wilska-Duszyńska, B. Roważania a naturze stereotypów etnicznych / B. Wilska-Duszyńska // Studia Socjologiczne. – 1971. – №3. – С. 97-116.
5. Tomaszewski, J. Byelorussians in the Polish Eyes / J. Tomaszewski // Acta Poloniae Historica. – 1985. – №40. – S. 101-122.
6. Kępiński, A. Lach i moskal. Z dziejów stereotypu / A. Kępiński. – Warszawa – Kraków: Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1990. – 221 s.
7. Lewandowski, E. Charakter narodowy polaków i innych / E. Lewandowski. – Londyn – Warszawa; Aneks – Polityka, 1995. – 205 s.
8. Ochorowicz, J.L. O polskim charakterze narodowym / J.L. Ochorowicz. – Lublin: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1986. – 172 s.
9. Macrae, C.N. Stereotypy i uprzedzenia / C.N. Macrae, Ch. Stangor, M. Hewstone. – Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 1999. – 430 s.

10. Lipniacka, E. Przewodnik ksenofoba. Polacy / E. Lipniacka. – Warszawa: Adamantan, 1997. – 64 s.
11. Chlewiński, Z. Stereotypy: struktura, funkcje, geneza. Analiza interdyscyplinarna / Z. Chlewiński // Praca zbiorowa. Stereotypy uprzedzenia. – Warszawa: Inst. Psychologii Polskiej AN, 1992. – S. 7-28.
12. Королёв, С. И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов / С.И. Королёв. – М.: Наука, 1970. – 100 с.
13. Богомолова, Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н.Н. Богомолова. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 125 с.
14. Гачев, Г. Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония / Г. Гачев. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 384 с.
15. Синянский, Д.А. Картина мира и кризис современной культуры: дис. ... канд. философ. наук: спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Д.А. Синянский. – Ростов-на-Дону, 2002. – 149 с.
16. Мусиенко, С. Польская литература в имагологической интерпретации В.А. Хорева [Электронный ресурс] / С. Мусиенко // Балтийский филологический курьер. – 2013. – Выпуск 9. – С. 99-113. – Режим доступа: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/071/Мусиенко_С_99-113.pdf.
17. Поляки и русские в глазах друг друга / Ответственный редактор В. А. Хорев. – М.: Индрик, 2000. – 272 с.
18. Мусиенко, С. Ф. Он между нами жил... и жив / С.Ф. Мусиенко // Веснік Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – Серыя 3 (Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія.). – 2012. – №3 (143). – С.155-160.

Krotov A.M. ПРОБЛЕМИ СТАНОВЛЕННЯ БІЛОРУСЬКОЇ ІМАГОЛОГІЇ (НА ПРИКЛАДІ БІЛОРУСЬКОГО СТЕРЕОТИПУ ПОЛЯКА)

У статті на прикладі білоруського стереотипу поляка розглядається стан білоруської імагології. Відмічається, що початок імагологічних досліджень в Білорусі пов'язаний із ростом національної самосвідомості білорусів і розвитком білоруського національного світосприйняття, частиною якого є стереотип поляка. Затверджується, що вивчення та засвоєння білоруськими вченими закордонного досвіду імагологічних досліджень не повинно стати механічним перенесенням та впровадженням елементів чужих стереотипів у білоруське ментальне середовище, а саме – елементів польського автостереотипу і руського стереотипу поляка в його білоруський стереотип.

Ключові слова: імагологія, ментальність, білоруський стереотип поляка, польський автостереотип, руський стереотип поляка, Г.Д. Гачев, В.О. Хорев.

Krotov A.M. PROBLEMS OF BELARUSIAN IMAGOLGY DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF THE BELARUSIAN STEREOTYPE OF THE POLE)

The article considers the problems of Belarusian imagology through the study of the Belarusian stereotype of the Pole. It states that the beginning of imagological research in Belarus is connected with growth of national consciousness of the Belarusians and with development of the Belarusian national mentality, the part of which is the stereotype of the Pole. The author affirms that study and development of foreign imagological research by the Belarusian scientists should not turn into mechanical transference and implementation of elements of foreign stereotypes into the Belarusian mental environment, in particular – elements of Polish autostereotype and Russian stereotypes of the Pole into Belarusian stereotype.

Keywords: imagology, mentality, the Belarusian stereotype of the Pole, the Polish autostereotype, the Russian stereotype of the Pole, G.D. Gachev, V.A. Chorev.

УДК 398-053.4/5:929Присяжнюк

В.О. Гребеньова

ДИТЯЧИЙ ФОЛЬКЛОР ЗА МАТЕРІАЛАМИ Н. А. ПРИСЯЖНЮК

Стаття присвячена дослідженню дитячого фольклору за матеріалами Н.Присяжнюк. Відстежено й проаналізовано дитячий фольклор, який збрала відома фольклористка, етнограф Настя Присяжнюк в с.мт.Погребіщах Вінницької обл. у 30-80-х рр., з'ясовано динаміку його розвитку й найбільш типові приклади побутування на Вінниччині до сьогодні в дитячому середовищі.

Ключові слова: дитячий фольклор, дитяча субкультура, лічилки, колискові, забавлянки, дитячі пісеньки, заклички.

Емпіричні спроби натуралізувати навколишній природний світ для кращого розуміння його дитиною викликали до життя надзвичайно багатий виховними можливостями такий жанр